

«Философия трагедии» Ф.М. Достоевского

Шилина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6226-0436>, e-mail: shilinaib@mgppu.ru

Полосина А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9557-8427>, e-mail: koposovaAA@mgppu.ru

Универсальная структура трагического мифа рассматривается как порождающая модель картины мира Федора Михайловича Достоевского. Раскрывается значение диалектических критериев методологии для оценки концепций «философии трагедии», предложенных истолкователями творчества. Делается вывод о том, что достижения или неудачи интерпретаторов определяются в каждом случае степенью адекватности или неадекватности методологии исследователя диалектическому мироощущению писателя.

Ключевые слова: философия трагедии, творчество Ф.М. Достоевского, русская философская критика.

Для цитаты: Шилина И.Б., Полосина А.А. «Философия трагедии» Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 4. С. 60–64. DOI:10.17759/langt.2021080408

Philosophy of Tragedy by F.M. Dostoevsky

Irina B. Shilina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6226-0436>, e-mail: shilinaib@mgppu.ru

Anna A. Polosina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9557-8427>, e-mail: koposovaAA@mgppu.ru

The universal structure of the tragic myth is considered as a generative model of the picture of the world of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. The significance of the dialectical criteria of methodology for evaluating the concepts of "philosophy of tragedy" proposed by the interpreters of creativity is revealed. It is concluded that the achievements or failures of the interpreters are determined in each case by the degree of adequacy or inadequacy of the researcher's methodology to the dialectical

worldview of the writer.

Keywords: philosophy of tragedy, the work of F.M. Dostoevsky, Russian philosophical criticism.

For citation: Shilina I.B., Polosina A.A. Philosophy of Tragedy by F.M. Dostoevsky. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 4, pp. 60–64. DOI:10.17759/langt.2021080408 (In Russ.).

В юбилейную дату со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского, нельзя не отметить притягательность его творческой личности, как для современников, так и для потомков. Несмотря на трансформацию социальной модели общества, произошедшую за последние 200 лет, образы героев, их психологические и социальные портреты до сих пор оказывают колоссальное влияние на формирование культурных и нравственных ценностей молодежи.

Талант писателя обогатил мировую литературу совершенно новым подходом к роману, который соединяет в себе конфликт, диалогическую структуру и художественную трактовку. Его ключевым элементом становится представление героя со стороны его идейного мира, который раскрывает особое значение мысли и теории жизни человека. Данная концепция была единодушно интерпретирована современниками как роман-трагедия, где перед читателями возникает не образное описание персонажей, а их визуализация через внутренний мир, который представлен убеждениями, отражающими социальную действительность.

При анализе романов Ф. Достоевского нас интересует не столько фактография и простое жизнеописание, сколько выявление через отдельные моменты жизни и творчества Ф. Достоевского истоков его мировоззрения, философии трагедии, возникновения человека порогового, экзистенциального сознания.

Писатель стал центральной фигурой в критическом наследии, ибо доминантами в его романах, с точки зрения критика, явились:

- экзистенциальное сознание;
- диалектика добра и зла;
- бытийные вопросы.

Искусство мысли, а стало быть, эстетически и аксиологически ориентированная философия, стремясь разрешить мировоззренческие проблемы, изначально ставила трагические вопросы и приходила к антиномичным выводам, которые в итоге стимулировали нравственный рост личности. Экзистенциалы «страдания», «веры», «надежды», «любви» «неизбежно сплетались в одну теоретическую линию антроподицеи» (оправдания существования человека как такового), из которой со всей очевидностью логически эксплицировалась наиболее личная, партикулярная интимная линия аутодицеи (самооправдания личного бытия). Очевидно, что субстанциональным фактом человеческой жизни является страдание. Понятое само по себе, независимо от социально-политического и культурного контекста, оно максимально лично и субъективно, но при объективном и закономерном характере жизни «естественный порядок вещей смеётся над гуманностью».

Смысл философии состоит именно в экспликации этого личного, уникального, индивидуального в природе и культуре, его основная задача состояла в создании такой аутодицеи, где в конечном итоге необходимо признать, «что вся культура, весь мир ничего не стоят, если нельзя спасти одного...». Объективно все понимают, что сохранение вида еще

не включает в себя счастья индивидуума, но в этом и состоит венец философии трагедии в понимании русского мыслителя – в необходимости осознать собственное трагическое бытие и страдание и выявить его ценностный смысл.

Действительно, понятия страдания, трагедии и аутодицеи оказываются максимально сопряжены друг с другом. Ведь инфиничия самой аутодицеи коррелирует с полиморфизмом страдания и имманентностью трагедии самой человеческой жизни и препятствует предельно четкому определению данных феноменов. В этом смысле актуальность статьи обусловлена в первую очередь необходимостью категориального анализа страдания, аутодицеи и трагедии человеческой жизни, которые имеют весьма противоречивое сложное философское содержание. На данном этапе не существует единой теоретической модели, объясняющей в полной мере удивительный синтез этих трех начал, поэтому основной задачей статьи являются обнаружение и анализ сущности данного триединства.

Человек в разные эпохи пытался определить свою сущность, свое предназначение, оправдать собственное существование, и эти поиски так же разнообразны, как определение причин страдания и варианты аутодицей. Суммируя всевозможные точки зрения, можно сделать вывод о необходимости дедуцирования моделей страдания и вариантов аутодицей, а также, что немаловажно, необходимости понимания назначения страдания, что не только позволяет упорядочить и систематизировать многочисленные представления, исходя из всего накопленного философией и религией опыта, но и выявить его конечный смысл, ведь человек – существо, всегда вопрошающее о смысле.

Художественный замысел Ф.М. Достоевского определяет ролевую модель героя, рассматривая его как совокупность характеристик, отражающих внутреннюю свободу, самосознание, которые коррелируют с нерешительностью и незавершенностью по отношению к собственным действиям. Автор отождествляет персонажа с местоимением «ты», представляя читателю полноправную личность. Однако, стоит заметить, что данные характеристики, Фёдор Михайлович добавил своим образам не случайно, подчиняя все произведения художественной логике. Исследователи отмечают, что личность героев Достоевского обладает особенными качествами, такими как суверенность, вызывающая автономия и свобода сюжетного поведения, которые позволяют читателю осмысливать действия героев через философский контекст.

Хотелось бы более подробно остановиться на героях романа «Преступление и наказание», которые и сегодня имеют свое отражение в общественном сознании. Вся совокупность художественных приемов построения повествования, взаимодействует гармонично. Морально-общественные вопросы, которые ставит перед нами Достоевский: границы нравственной свободы личности, столкновение бунтарского своеволия и жизненных прав другого человека не утратили своей актуальности. Особенность мира героев романа состоит в том, что почти все центральные персонажи представляют социально-отверженные части общества, которые обладают свободой действий, что отражается не только во внутреннем самоощущении героев, но и проявляется внешне в форме отсутствия постоянства и «оседлости». По своей «общей душевной структуре», герои Преступления и наказания находятся за гранью, представая в образе безумцев, часто с упором в негативную коннотацию, выражающуюся через экспрессию. Данный подход в интерпретации современности можно описать, как самоидентификацию личности молодого человека, которая, сталкиваясь с социальными вызовами, ориентируется на отсутствие установленных границ, определяющих взаимодействие в условиях глобализационных процессов.

Роман «Преступление и наказание» представляет собой противостояние идей, которые выражаются как в характерах героев, так и в описание его идейного содержания. Специфика развития действий выражается в катастрофическом сплетении событий, которые случаются как результат непоследовательных действий героев, тем самым выражая идею о взаимовлиянии среды и человека. Опустошение материального мира героев, противопоставляется автором, их глубоким философским размышлениям, определяющим неотъемлемую связь между самобичеванием и проявлением жертвенности. Даже цветовая гамма романа определяет траекторию идейного противостояния - поединка как социально-политического, так и философского. Преобладающие цвета – красный и желтый, определяются исследователями не только как символы золота и убийства, но и как страстно-эмоциональный, разрушающий характер социальной идеи, которая рождается в результате желания душевного внутреннего тепла и света.

Петербург – место притяжения множества авторов, которые воспринимают его как символ новой русской истории: в нём происходят глубинные, ещё не объясненные процессы, скрыто назревающие в социуме. Сам облик города, описанный в романе, позволяет читателю дополнить картину напряженной атмосферы произведения, создавая необходимый контраст внешних и внутренних аспектов романа. Город является читателю не столько как место действий, сколько как ещё одно действующее лицо, которое своим торжественным видом оказывает влияние на героев, находящихся в социально-незащищенном положении, что заставляет задуматься о вопросах социального неравенства, которые были актуальны как для эпохи Достоевского, так и современного мира.

В завершении хочется отметить, что путь философского размышления Фёдора Михайловича сформировался согласно социальным тенденциям того времени, однако он привнёс новые смыслы и определил личность, через её самосознание, актуализируя острые социальные проблемы и позволяя читателю самостоятельно сделать выбор в пользу того или иного развития сюжета благодаря выстраиванию собственной мыслительной модели.

Литература

1. Бердяев Н.А. Трагедия и обыденность // Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 2. 1994. М.: Искусство, С. 217–246.
2. Булгаков С.Н. Трагедия философии // Сочинения: в 2 т. Т. 1. 1993. М.: Наука, С. 311–518.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 20. 1980. Ленинград: Наука, 423 с.
4. Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1921 годов: сб. ст. 1990. М.: Книга, С. 164–192.
5. Степун Ф.А. Мирозерцание Достоевского // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1921 годов: сб. ст. 1990. М.: Книга, С. 332–351.
6. Шестов Л.И. Достоевский и Ницше (философия трагедии) // Сочинения. 1995. М.: Раритет, С. 15–175.
7. Шестов Л.И. О «перерождении убеждений» у Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском. 1994. СПб.: Андреев и сыновья, С. 237–257.
8. Шестов Л.И. Преодоление самоочевидностей (К столетию рождения Ф.М. Достоевского) // Властитель дум. Ф.М. Достоевский в русской критике конца XIX–начала XX века. 1997. СПб.: Худож. лит., С. 461–537.
9. Эрн В.Ф. Сущность немецкого феноменализма // Сочинения. 1991. М.: Правда, С. 319–328.

References

1. Berdyaev N.A. Tragediya i obydennost'. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva*: in 2 vol. Vol. 2. 1994. Moscow: Iskusstvo, pp. 217–246. (In Russ.).
2. Bulgakov S.N. Tragediya filosofii. *Sochineniya*: in 2 vol. Vol. 1. 1993. Moscow: Nauka, pp. 311–518. (In Russ.).
3. Dostoevskii F.M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. T. 20. 1980. Leningrad: Nauka, 423 p. (In Russ.).
4. Ivanov V.I. Dostoevskii i roman-tragediya. *O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoï mysli 1881–1921 godov: sb. st.* 1990. Moscow: Kniga, pp. 164–192. (In Russ.).
5. Stepun F.A. Mirosozertsanie Dostoevskogo. *O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoï mysli 1881–1921 godov: sb. st.* 1990. Moscow: Kniga, pp. 332–351. (In Russ.).
6. Shestov L.I. Dostoevskii i Nitshe (filosofiya tragedii). *Sochineniya*. 1995. Moscow: Raritet, pp. 15–175. (In Russ.).
7. Shestov L.I. O «pererozhdenii ubezhdeniï» u Dostoevskogo. *Russkie emigranty o Dostoevskom*. 1994. Saint-Peterburg: Andreev i synov'ya, pp. 237–257. (In Russ.).
8. Shestov L.I. Predolenie samoochevidnostei (K stoletiyu rozhdeniya F.M. Dostoevskogo). *Vlastitel' dum. F.M. Dostoevskii v russkoï kritike kontsa XIX–nachala XX veka*. 1997. Saint-Peterburg: Khudozh. lit., pp. 461–537. (In Russ.).
9. Ern V.F. Sushchnost' nemetskogo fenomenalizma. *Sochineniya*. 1991. Moscow: Pravda, pp. 319–328. (In Russ.).

Информация об авторах

Шилина Ирина Борисовна, декан факультета «Социальная коммуникация», доктор исторических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6226-0436>, e-mail: shilinaib@mgppu.ru

Полосина Анна Алексеевна, старший преподаватель кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9557-8427>, e-mail: koposovaAA@mgppu.ru

Information about the authors

Irina B. Shilina, dean of the faculty “Social communication”, Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6226-0436>, e-mail: shilinaib@mgppu.ru

Anna A. Polosina, professor of social communication and organization of work with young people, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9557-8427>, e-mail: koposovaAA@mgppu.ru

Получена 01.12.2021
Принята в печать 15.12.2021

Received 01.12.2021
Accepted 15.12.2021